

АНХЕЛЬ БЛЭК

КРЕСТЕЙР
ОРДО ЮНИУС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б70

Анхель Блэк
КРЕСТЕЙР. ОРДО ЮНИУС

*Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается*

Художественное оформление *Vlada OwO*

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

Блэк, Анхель.
Б70 Крестейр. Ордо Юниус / Анхель Блэк. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2025. — 416 с. — (Хроники мрака. Темная фэн-
тези).

ISBN 978-5-17-167721-3

Вернувшись домой после долгих приключений, Мастер Грейден думает, что сможет отдохнуть и наладить работу Ордена Мастеров. Но его надежды оказываются напрасными. И виноваты в том совсем не монстры.

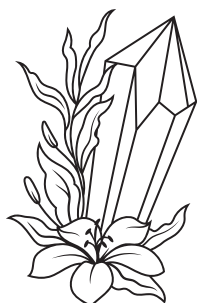
Учившийся избавлять мир от чудовищ, Мастер не знает, как бороться с людьми и Орденем Единого. К тому же ему нужно разобраться со своим прошлым и сделать предначертанный выбор: встать на сторону людей или Чудовища?

Привыкший всю свою жизнь полагаться только на себя, Грейден рад, что теперь справляться с этим не придется в одиночку.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-167721-3

© Анхель Блэк, текст, 2024
© Vlada OwO, художественное оформление, 2024
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025

ПРОЛОГ

Четырнадцать лет назад

Полуденное солнце никак не согревало холодную каменистую почву. Хотя на дворе стояло лето, воздух под кронами северного леса оставался стылым, и даже от легкого дуновения ветра хотелось завернуться в плащ.

Алоизас пришпорил коня и до боли прикусил нижнюю губу, чтобы отогнать желание обернуться или, того хуже, расплакаться. Ему уже не пять и не десять лет, чтобы давать волю постыдным эмоциям, непозволительным для мужчин сурового Гелид-Монте. Теперь ему шестнадцать и он без пяти минут Мастер, хотя Алоизас отдал бы свой Дар первому встречному, лишь бы вернуться домой.

«Идиот, хватит думать об этом», — мысленно отругал себя парень, проморгавшись, отгоняя грустные мысли и подступившие слезы. Видно, слишком мало отец колотил его в детстве, пытаясь выбить вселившегося в него неженку.

Неделя каникул пронеслась будто миг, оставив после себя запах рыбы, пойманной отцом и братьями, боль в спине от жесткого матраса и мигрень после ворчания вечно недовольной матери. Каждый раз, возвращаясь в отчий дом, Алоизас заранее настраивал себя на эту поездку несколько дней, потому что знал, что его ждет. Его родители

не гордились тем, что у него Дар, — они отдали его за скудный набор продуктов заезжему Мастеру так легко, словно он никогда не был их сыном. Алоизас был бы рад убраться из этой дыры, где кроме сухого соленого ветра, сушащихся повсюду сетей и стоящих тут и там бочек с рыбой, его больше ничего не ждало. Он ненавидел все это так же сильно, как в детстве. Ненавидел каждый грязный угол нищенского деревенского дома, голос каждого из родни, вонь и абсолютное желание что-то изменить. Но как только у него выдавалась пара выходных, он брал коня и стремглав мчался в отчий дом, чтобы провести считанные часы с самой родной душой во всем Крестейре — братом, двойняшкой Хальвардом.

Злым роком судьбы старшему Дара не досталось, и только поэтому Алоизас так долго скрывал свой. Он знал, что их ждет разлука: у родителей не было столько денег, чтобы оплачивать проживание Хальварда в столице из простой прихоти. В день, когда Дар пришел к нему, он прорыдал в колючих зарослях ежевики несколько часов, пока Хальвард его не нашел. Он сказал, что это не страшно, что они вырастут и снова будут вместе, ведь его старший брат не собирался оставаться рыбачить на краю Гелид-Монте до скончания дней.

Хальвард мечтал стать сильнейшим воином, чтобы стоять плечом к плечу с Алоизасом. В день, когда за ним приехал Мастер, они дали друг другу клятву стараться изо всех сил, чтобы снова быть вместе. Хальвард не плакал, когда провожал его, но Алоизас увидел, как он закрывал лицо руками, когда обернулся напоследок.

Хальвард всегда хотел казаться сильнее, но Алоизас знал его так же хорошо, как самого себя. Они всегда были вместе, словно две половинки одного целого, и позволить какому-то Дару разлучить их Алоизас не мог позволить. Не тогда, когда ты видишь в сереющих сумерках, как твой

сильный брат обессиленно стекает вдоль покосившегося забора, оставаясь совершенно один.

Главной целью в жизни Алоизаса стала мечта быть сильнейшим Мастером, заработать кучу денег и перевезти брата жить в Нарвал, столицу Гелид-Монте, чтобы ему не пришлось добывать себе гроши на пропитание тяжелой работой в океане и провести всю жизнь в забытой Эрхой деревне.

Парень из кожи вон лез на всех занятиях, записывался первым на дополнительные уроки, участвовал в любых мероприятиях Ордена, лишь бы его заметили, выделили из всех, запомнили. Даже если где-то он уступал сверстникам в знаниях, то был у Алоизаса врожденный талант, которым он пользовался без зазрения совести: он отлично умел ладить с людьми и заводить друзей.

Где-то в чаще леса упало дерево, отчего конь Алоизаса дернулся и замер на месте. Парень вынырнул из собственных мыслей, опасливо вглядываясь в сторону, откуда был слышен шум. Он ласково погладил коня по гриве:

— Тише, Крапивка, наверное, старое дерево упало.

Нехотя животное двинулось дальше по лесной дороге, а когда что-то снова хрустнуло и упало вдали, напрягся уже Алоизас. Если бы люди из деревни валили лес, то слышались бы голоса. Может, медведь забрел ближе к людям? А что, если какая-то тварь — Кровоглот или, того хуже, Эсти? От одной мысли, что монстр может напасть на деревню, где живет Хальвард, все страхи перед неизвестностью мгновенно растворились в стылом лесном воздухе. И хотя брат-двойняшка был не робкого десятка, наверняка дал бы отпор, этого-то и опасался Алоизас. Одно дело — сражаться с диким зверем, другое — с монстром.

Парень натянул поводья, ловко спрыгнул с Крапивки, привязал коня к молодому ясеню и отправился глубже в лес.

Алоизас то сжимал, то разжимал пальцы, нервно кусал губы и пытался вспомнить весь учебный курс по монстрологии и экзорцизму за одну минуту, а если окажется, что это дикий зверь, то он сможет остановить его защитной фулу и спокойно вернется к Крапивке.

Однако чем ближе парень подходил к источнику странных звуков, тем больше нарастало беспокойство и уверенность, что его ждет не просто медведь. Что-то тяжелое ударилось о землю с такой силой, что Алоизас почувствовал, как задрожала почва под ногами. В ту же секунду с ближайших деревьев в страхе вспорхнули птицы.

Набрав полную грудь воздуха, Алоизас прокрался через низкий и, как назло, колючий кустарник и спрятался за толстый ствол лиственницы. Когда он выглянул, чтобы изучить обстановку, голубые глаза в ужасе расширились, сердце отчаянной птицей забилось о ребра, колени задрожали.

В десяти-пятнадцати шагах от него среди камней, кустов терновника и двух поваленных деревьев алым потусторонним пламенем горела пентаграмма — ловушка, в которой отчаянно билось большое черное существо. У него были огромные птичьи лапы с хищно загнутыми когтями, покрытое черными блестящими перьями крепкое тело с неестественно согнутыми крыльями, на сгибах которых виднелись костяные, недоразвитые пальцы-крюки, как у летучих мышей. Сложив огромные крылья (маховое перо в них было размером с руку Алоизаса до локтя, не меньше!), существо подняло голову в виде выбеленного птичьего черепа и раскрыло клюв, выдыхая клубы пара. Перья на его загривке встали дыбом, как хохолок у обычной птицы.

Несмотря на то что Алоизас читал об этих существах только в книгах, сомнений быть не могло: перед ним в ловушке находился самый настоящий Грех в своей форме Чудовища.

Неожиданно Грех издал пронзительный крик, широко мазнул лапой по алым символам, и Алоизас только сейчас осознал, что в воздухе пахло палеными перьями и горелой кожей.

Что Грех делал здесь? Как угодил в ловушку? И самое главное, кто начертил эту пентаграмму посреди леса и для чего?

Голова кружилась от мыслей и волны захлестнувшего адреналина, а когда Грех повернул к нему птичий череп с горящими глазницами, Алоизас инстинктивно попятился, но врезался спиной в шершавый ствол соседнего дерева.

Перепачканные в земле огромные птичьи лапы перестали скрести почву, массивная грудь тяжело вздымалась. Взгляд голубых глаз парня встретился с опаляющим взглядом чудовища, который буквально приковывал к земле. Несколько секунд, в течение которых Грех разглядывал Алоизаса, превратились в вечность.

В Ордене Мастера посвящали много времени, чтобы научиться подавлять первородный страх перед монстрами. Часами юные ученики оттачивали свои действия и боевые навыки, днями и ночами зубрили начертания пентаграмм и фулу, чтобы, столкнувшись лицом к лицу с чудовищами, не пасть жертвами при выполнении первой же работы. Алоизас был готов ко многому, но не к Греху, а тот явно не был настроен дружелюбно. Монстр склонился к земле, издавая жуткие утробные звуки, похожие то ли на рычание, то ли на вой, мощные когти впились в землю, давя траву, шишки и камни, по его телу волной прошла дрожь, перья вздыбились, и через мгновение Грех прыгнул на Алоизаса.

Парень зажмурился и инстинктивно закрылся рукой, ожидая, что сейчас когти порвут его, как тряпичную куклу, но послышался только глухой удар и злобное клокотание Греха. Алоизас открыл глаза и понял, что монстр ударился о барьер сковывающей его пентаграммы. В местах удара

перья дымились и горели красным пламенем, но, кажется, Греха это не сильно беспокоило, он лишь встряхнулся всем телом и выпрямился.

Кажется, только сейчас Алоизас пришел в себя. Осознание того, что Грех не может пройти через пентаграмму, немного отрезвило его и придало уверенности. Парень выхватил ритуальный кинжал из ножен, прикрепленных к поясу. «Бить Греха нужно в череп, так можно ослабить его», — вспомнил Алоизас. Что ж, по крайней мере, он попытается.

Все это время Грех продолжал наблюдать за ним, клая страшным костяным клювом, а потом случилось то, о чем парень не читал в книжках и не слышал от учителей, — монстр превратился в человека. Алоизас мог поклясться, что это длилось всего мгновение: чудовище окутал неведомо откуда взявшийся густой туман и так же быстро рассеялся, явив перед ним мужчину в черных одеждах.

Его темные волосы плавными волнами спускались до груди, крест-накрест перетянутой кожаными ремнями, на бледном лице зло сверкали золотисто-желтые глаза. Они словно светились в полумраке, хотя с такого расстояния Алоизас вряд ли рассмотрел бы их цвет. Мужчина был бледен, очень высок, с острыми чертами лица, со сверкающей в волосах серебристой диадемой и украшенными перьями наплечниками, от которых стелился темным пологом плащ. Он напоминал гротескное изображение тощей птицы, нахлившейся и готовящейся к атаке. Немного выждав томительную паузу, словно наслаждаясь изумлением в чужих глазах, мужчина выпрямился, разгладил украшенными перстнями пальцами явно дорогие одежды и откинул с лица пряди волос.

Он выглядел неестественно хорошо посреди поваленных деревьев и развороченной земли. Чуть склонив голову на-

бок, мужчина улыбнулся, будто встретил знакомого, которого не видел много лет.

— Добрый день, юный Мастер.

Услышать бархатный, но чуть надломленный голос в лесной чаще, зная, что его обладатель — Грех, было жутко и завораживающе одновременно.

— Не такой уж он и добрый, раз я встретил тебя.

Мысленно Алоизас молился Создателю, чтобы собственный испуганный голос не выдал его страха.

— Разве Мастера не готовились к встрече? — Мужчина взмахнул рукой, указывая на пентаграмму.

— Может, и готовились. Об этом я как раз их и спрошу, — ответил парень.

Безопасность пентаграммы вселяла в него еще больше уверенности.

Грех помолчал немного, кажется, что-то обдумывая, а затем выражение его лица стало еще мягче.

— Признаться, я принял тебя, юный Мастер, за автора этой безукоризненной пентаграммы. Но раз это не твоих рук дело, то зря я разозлился на тебя. Видишь ли, это недоумение подпортило мне день и внешний вид.

Алоизас напряженно промолчал. Он сделал несколько шагов к пентаграмме, но остановился на безопасном расстоянии, все еще опасаясь, что Грех прорвет защиту.

Мужчина по ту сторону алых символов улыбался. На взгляд Алоизаса, его внешнему виду ловушка никак не навредила, если не считать красных ожогов на ладонях и подпалин на перьевых наплечниках.

— Давайте договоримся, юный Мастер, — внезапно произнес Грех.

Алоизас поджал губы:

— Я не заключаю договоров с Грехами.

— Ты еще даже не услышал, что я хочу предложить. — Мужчина продолжал улыбаться. Он завернулся

в плащ, спрятав руки, и теперь выглядел как большая черная ворона.

— Ты забываешь, с кем говоришь. Я Мастер. Моя работа — изгонять таких, как ты. — Алоизас мысленно похвалил себя за твердость в голосе. Сердце отчаянно забилось, мешая глотнуть воздуха.

Солнце пугливо спряталось за облаками, поднялся ветер, срывая пожухлые листья и хвоинки с веток и нагоняя тревоги.

Грех застыл недвижимой фигурой, склонив голову набок и разглядывая юношу перед собой. Неожиданно он пришел в движение, и его длинным ногам хватило пары шагов, чтобы оказаться у самой линии пентаграммы. Алые искры угрожающе сверкнули прямо перед его бледным лицом, но мужчина не обратил на это внимания. Алоизас крепче сжал рукоять ритуального кинжала и невероятными усилиями (и повторением зазубренных правил о подавлении страха в голове) заставил себя не дернуться и не отшатнуться. Между ними теперь оставалось совсем небольшое расстояние, около трех человеческих шагов, и вблизи Грех выглядел совсем человекоподобным. Алоизас разглядел даже родинку под глазом и спутанные внизу пряди черных волос.

— Боишься? — Мужчина умилился, словно смотрел на маленького котенка.

— Нет, — поспешно ответил Алоизас.

— Какой храбрый, умненький мальчик. Ты мне нравишься. Я хочу дать тебе шанс грамотно и безопасно выйти из сложившейся ситуации. Не хотелось бы вонзать когти в такое юное дарование. — Голос Греха был ровным и мягким, располагающим к себе. И все же Алоизас оставался собранным и старался не поддаваться на провокации. Он заставлял себя помнить о том, что, каким бы разумным, человеческим Грех ни казался, за маской привлекательности скрывалось кровожадное чудовище.

— А оставить тебя в пентаграмме не разумно? — Алоизас сглотнул.

— Мой дорогой друг, эта пентаграмма — досадная помеха на моем пути. Я выберусь из нее рано или поздно. — Грех разговаривал спокойно, словно объяснял нерадивому ученику непонятный предмет. — Даже если сюда придут Мастера, я не дам себя изгнать.

Неожиданно пентаграмма засветилась ярче, задрожала, и Алоизас не сдержал удивленного вздоха.

— А если я выберусь — свидетелей моего позора не останется. — На мгновение вместо красивого бледного лица мужчины мелькнул птичий череп с пустыми глазницами, но это длилось доли секунды. Алоизас даже решил, что ему просто показалось.

Он храбро посмотрел прямо ему в лицо, шагнул ближе. Он не хотел связываться, не хотел жать ему руку и соглашаться, но что-то подсказывало, что Грех не остановится на убийстве одних Мастеров.

Алоизас был юн, горяч и слишком неопытен в жизни и не мог понять, насколько сильно чудовище перед ним.

Но он помнил о Хальварде. Буквально в трех-четыре милиях от этого леса начиналась их скромная деревня Хайкрель, и что-то в глазах этого чудовища подсказало Алоизасу, что после Мастеров он перекинется на нее. Хальвард не был простым работягой, таскавшим просоленные сети в океане, он мечтал быть воином и тренировался каждый день. Но все же Хальвард был лишен Дара, а следовательно, был обычным человеком.

— Какие муки на твоем лице. Я напугал тебя? — Грех самодовольно нахохлился, его перья на наплечниках встопорщились.

Алоизас поджал губы. Тревога за брата, страх его потерять всегда легко читались по его лицу. Это было его слабое место, и скрывать это он еще не научился.

— Давай я озвучу условия? Ты выслушаешь и решишь. Я, — Грех вытащил из-под плаща руки и прижал бледные ладони к своей груди в драматично открытом жесте, — обещаю тебе, что выполню любую твою просьбу, если ты выпустишь меня отсюда. Все, что от тебя требуется, — стереть пару линий пентаграммы. Звучит просто, не так ли?

— Звучит просто, — согласился Алоизас. — Но слишком. Ты Грех. Вы умеете складно говорить да людей обманывать. Сейчас пообещаешь, а как выберешься — голову мне оторвешь, и ничего выполнять не надо.

— Мальчик мой, ты путаешь меня с низкосортными демонами, — устало выдохнул Грех. — Если Грех дает клятву, то он обязан исполнить ее. Это не какая-то там шившая сделка, которую эти прихвостни изворачивают как хотят.

— Тогда у меня еще условие.

— Тебе мало того, что я предлагаю? — Мужчина изумленно вскинул брови. В его голосе сквозило недовольство, но выглядел он так же доброжелательно и открыто.

Алоизас почувствовал, как правую руку (ту самую, которой он собирался жать ладонь Греха) жжет фантомным пламенем. Спина под рубашкой взмокла. Ему казалось, что его затягивает в неведомый водоворот бурной реки, из которого нет спасения. Хотелось убежать как можно дальше от пентаграммы, усыпанной черными перьями, от золотистых глаз и бархатного голоса. Он не знал, что делать: в учебниках ничего не было о том, что Грехи настолько похожи на людей.

В учебниках не было и описания того, что делать, когда тебе шестнадцать, за спиной поселение, в котором живет самый дорогой тебе человек, а перед тобой чудовище, грозящее убить каждого поблизости.

Чудовище, с которым сейчас Алоизас не справится.

Хотелось бежать, да. Но если он сейчас не решится, то кто знает, что случится?

Алоизас тяжело дышал, ступая ближе еще на один шаг под внимательным взглядом Греха. Его подташнивало от нарастающего ужаса и растерянности. Где-то позади скрипели от ветра деревья, мимо проносились сорванные с веток листья и хвоинки.

— Я сотру пентаграмму. Но ты не тронешь меня. И не тронешь никого из деревни Хайкрель, что рядом с лесом. — Алоизас старался быть твердым, чтобы голос не дрожал.

Грех оскалился, показывая ровные зубы, склонился и почти уперся лбом в еле заметную стену барьера. Его глаза смотрели прямо в лицо Алоизаса.

— А не многовато ли ты просишь, мальчик мой?

— Тогда жди Мастеров. Пусть они помогают тебе бесплатно, — смело ответил Алоизас.

Грех распахнул в изумлении глаза, а затем звонко расхохотался.

— Создатель и Его братья, какой храбрый птенчик мне попался! — Он вытер острыми костяшками выступившие от смеха слезы. — Такой юный, а столько хочешь хапнуть. Мне нравится!

Грех посмотрел на него с восхищением и затем протянул руку, упираясь кончиками пальцев в барьер.

— Я бы с удовольствием поболтал еще, освободился и преподал бы тебе урок о жадности, но я и так достаточно здесь задержался. Не хочу больше ждать, так что принимаю условия.

— Произнеси их вслух, — совсем расхрабрился Алоизас, демонстративно протянув руку для рукопожатия и остановившись.

— Чему вас только в Ордене сейчас учат? — Грех покачал головой, рывком оголил предплечье, выкидывая кожаный наруч прочь. — Я обещаю не трогать жителей деревни Хайкрель и тебя, если ты выпустишь меня отсюда. И я обе-

щаю исполнить любую твою просьбу при нашей следующей встрече. Клянусь.

— По рукам. Я отпущу тебя. — Алоизас нервно облизал губы, собрал всю свою храбрость и протянул руку. Он без труда проник сквозь барьер, словно его не существовало, и Грех с жадностью стиснул его пальцы в крепком рукопожатии.

Алоизас вздрогнул всем телом. Он вцепился в ледяную ладонь Греха, чувствуя, какая у него обычная, человеческая кожа на ощупь, и подался вперед, наступая ногой на пентаграмму.

— По рукам, — улыбнулся Грех.

Предплечье Алоизаса обожгло, словно кто-то уронил на голую кожу уголек, и юноша вскрикнул от неожиданности. Пентаграмма под его ногой смазалась, барьер пошел рябью и затем, полыхнув алым напоследок, исчез.

Алоизас затаил дыхание.

Он его выпустил.

Чудовище возвышалось над ним, абсолютно свободное и довольное, не отпуская его руку. На бледном, словно мраморном, предплечье Греха чернела метка в виде птичьего черепа. В этом же месте горела огнем рука Алоизаса, и, торопливо отскочив от Греха, он задрал рукав. По телу пронесся жар: на его коже была точно такая же отметка.

«Что же я наделал?! Что скажет учитель, если увидит это?»

— Нравится? — Голос мужчины раздался совсем рядом.

Алоизас вскинул голову, едва не ткнулся носом в перетянутую ремнями грудь и тут же шарахнулся назад, но уперся спиной в ту же лиственницу. Грех улыбался, поправляя одежду. Он медленно скользнул к нему, склонился, перехватил его предплечье и поднял выше, словно любясь.

— Впервые заключаю договор с юным Мастером. — Золотые глаза хитро прищурились. — Не бойся. Я ничего не сделаю тебе, я же обещал и буду связан клятвой навеки.

— Тогда уходи отсюда, — еле выдавил из себя Алоизас.

— Хочу дать совет. Я обещал тебе помощь, но только один раз. Используй этот шанс с умом, юный Мастер. Иначе твоя душа будет запятнана мной напрасно. — Грех провел пальцами по своей метке на его коже. Алоизас поежился от прикосновения, прикусил губу, пытаясь шумно не дышать. Грех еще немного полюбовался его страхом, а затем отпустил. — Мое имя Хайнц. Когда я буду нужен — на черти призыв и позови меня. Я приду. До встречи, храбрый юноша. Не заключай больше такие сомнительные сделки.

Мужчина обернулся огромным чудовищем, взмахнул крыльями и взмыл вверх. Алоизас зажмурился от поднимающейся пыли, а когда раскрыл глаза, Греха и след простыл. Как будто его здесь никогда не было.

Алоизас дал себе волю и расслабленно сполз по стволу дерева на землю. Его трясло, ноги не держали, став будто набитыми ватой. С неба, кружась, спускались черные перья, где-то в кронах каркали вороны.

Метка с птичьим черепом никуда не исчезла.

